

Михаил Сидлин

Георгий Александрович Товстоногов — одна из фигур, связующих русскую и грузинскую культуры. На доме в Тбилиси, где он жил до 1946 года, установлена мемориальная доска, а сама улица названа в его честь. На другом конце бывшего СССР, в Петербурге, Большой драматический театр носит имя Георгия Товстоногова. Он родился в Тифлисе в 1915 году: мать будущего режиссера была грузинкой, отец — русским. Товстоногов начинал работать в Тбилиси — как режиссер и как преподаватель Театрального института. Три его тбилиских студента вспоминают мастера в беседе с обозревателем «НГ». Это Наталла Урушадзе, доктор искусствоведения, профессор, театровед, Георгий Гегечкори, актер Театра имени Руставели с 1944 года, и Григорий Лордипанидзе, председатель СТД Грузии, ректор Института театра и кино.

МИХАИЛ СИДЛИН: Наталла, вы учились у Товстоногова вместе с Луманушвили?

Наталла Урушадзе: Нет, я училась раньше. Ведь Михаил был на войне...

М.С.: Но в институте вы оказались одновременно.

Н.У.: Я была в актерской группе, а Михаил — в режиссерской, я на четвертом курсе, он — на первом. Но Товстоногов его взял в ассистенты, так что мы вместе работали.

М.С.: Вы помните, как вы познакомились с Товстоноговым и какой был его первый урок?

Н.У.: Мы начали учиться в классе у Дмитрия Александровича Алексидзе, а мы студенты последнего курса, чтобы мы поставили...
М.С.:... вдовевший «Сначала умерли, потом пожениться».

Н.У.: Да, именно этот вдовевший. Георгий Александрович сказал: «Гогико, ты пойми, ей это нужно, дайте ей немножко подработать». Платили тогда продуктами. Товстоногов вдовевший отпетировал. И студенты 19-20 лет играли с 80-летней актрисой! Он говорил: «Посмотрите, как она готовится к спектаклю — с какой ответственностью: на балконе играет, или на площадке, все равно. Для нее выход на сцену — священный акт». И

озная, великолепная школа, которую я до сих пор помню. Мы расстались, потому что он уехал. А спустя 25 лет, в 65-м году, он вернулся. Тогда были горьковские дни, и в Театре Руставели он повторил свой балетский спектакль «Мешане». Я в его постановке в Тбилиси играл Нила, а здесь — Бессеменова.

М.С.: То есть вы в одном и том же спектакле сыграли две роли?

Г.Г.: На мою долю выпало большое счастье — в Грузии я играл у Георгия Александровича Товстоногова по сравнению с другими грузинскими актерами больше! Повторю, это была для меня великолепная школа, потому что он всегда давал нам возможность самим угадывать суть и перспективу роли, ее задачу. Даже в маленькой роли, в каком-нибудь эпизоде!.. И если мы точно все это сами определяли, тогда он говорил: на пятьдесят процентов у тебя эта роль сделана, теперь осуществляй. Он помогал, не вмешиваясь, и лишь в редких случаях показывал, как надо играть ту или иную сцену.

М.С.: К сожалению, многие говорят, что Георгий Товстоногов был тираном.

Г.Г.: Конечно, он был властным человеком. Он не прощал хоть чуть-чуть халтурное отношение к делу — нельзя было опаздывать, не знать текста, не готовиться к репетициям... Но я хочу вспомнить один случай, своего рода историческое событие. У нас работала пожилая актриса, Элизабет Чаркатишвили, которая играла...

Н.У.:... в дореволюционном театре, в конце XIX — начале XX века.

Г.Г.: Да, ей было 80 лет. Она ходила в грузинском национальном головном уборе. И вот эта актриса предложила нам, студентам последнего курса, чтобы мы поставили...

Н.У.:... вдовевший «Сначала умерли, потом пожениться».

Г.Г.: Да, именно этот вдовевший. Георгий Александрович сказал: «Гогико, ты пойми, ей это нужно, дайте ей немножко подработать». Платили тогда продуктами. Товстоногов вдовевший отпетировал. И студенты 19-20 лет играли с 80-летней актрисой! Он говорил: «Посмотрите, как она готовится к спектаклю — с какой ответственностью: на балконе играет, или на площадке, все равно. Для нее выход на сцену — священный акт». И

дующие годы, когда я работал в Театре имени Руставели, проблемы уже начали возникать, потому что на сцене делались намеки — против правительства, против системы. Товстоногов нас к этому и готовил, он требовал, чтобы мы говорили правду, и суть роли надо было показывать на очень высоком художественном уровне. Тогда это сильное будет влиять на зрителя, и он запомнит все, чтобы задуматься после спектакля, и поплакать или посочувствовать. Зритель задумается и станет нашим сторонником.

М.С.: Наталла, а у вас какое самое яркое впечатление от Товстоногова?

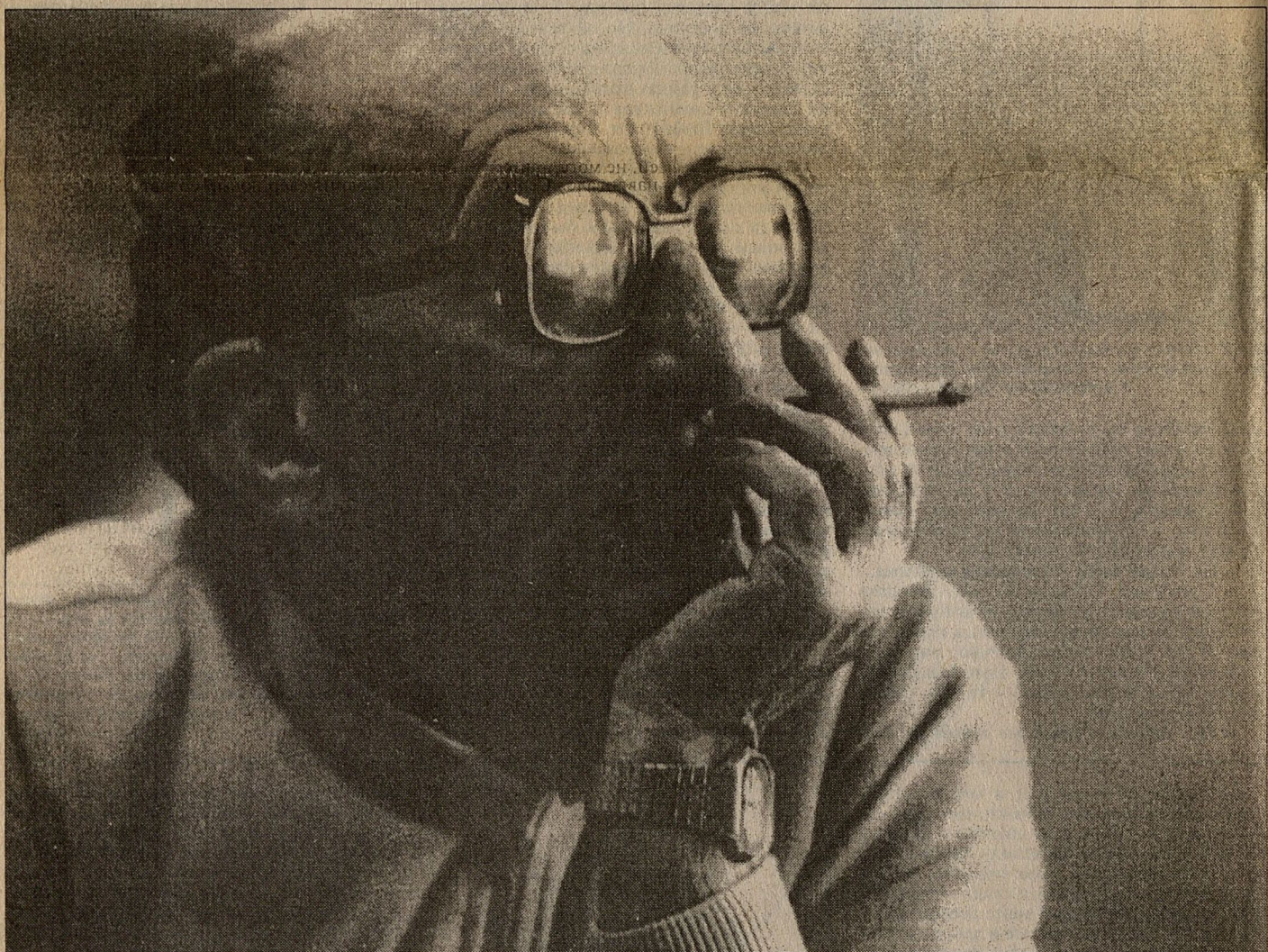
Н.У.: Я заметила, что Георгий Александрович интересуется не только талантом актера и его возможностями, он все время старается его личность распознать. Потому что помогать актеру надо именно через это. Вот, например, училась у нас одна студентка, у которой от природы было, как говорится, «позднее заживание» — она не сразу реагировала... Он угадал, что ей надо помочь, так, чтобы что-то в ней сразу затрелось, и всегда предлагал ей очень острые роли. В отличие от многих Товстоногов интересовался любой личностью, человеком любого масштаба, интересовался тем, что определяет изнутри характер. Двигатели человеческой природы ему были интересны всегда.

Он поставил в БДТ «Мешан» и этот спектакль поставил еще и в Театре имени Руставели. Так у нас появилась возможность посидеть на этих репетициях и проверить, а каков он, наш учитель, уже ставший всемирно известным? Оказалось, точно такой же! Он никогда ничего вместо актера не делал. Он делал вместе с ним. Вот это — самое важное для роста и режиссера, и актера.

Очень часто бывает, что талантливые режиссерские приемы вдруг нахлебываются, надеваются на актера, и поэтому актер перестает расти. Случилось, наверное, нечто закономерное, но очень огорчительное — театр режиссеры превратился в театр режиссера. Эта одна гласная в принципе изменила все — актер оказался страшно зависимым от режиссера. Если это долго продлится, то очень сильно упадет уровень актерского искусства — уже не будет настоящего ансамбля, а будет видимость ансамбля. Ансамбль — это ор-

Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

РЕЖИССЕР, ЛЮБИВШИЙ АКТЕРА
Грузинские студенты Товстоногова вспоминают своего мастера

го времени спустя, я поняла, что это был прием. Товстоногов стал говорить о том, что такое театр.

Тот, кто никогда не слышал Товстоногова, когда он говорил о театре, не может понять, что это такое! Прозвучал первый звонок с урока, потом звонок на урок, потом опять с урока, потом опять на урок. Никто не динился с места. Товстоногов ушел, а мы остались на всю жизнь влюбленными в него. И это было навсегда. Он вызывал уважительную влюбленность, если можно так сказать. Он был очень прост во взаимоотношениях, но дистанция всегда оставалась. Большое счастье в жизни — такой учитель.

М.С.: Георгий, а как вы познакомились с Товстоноговым?

Георгий Гегечкори: Преподавателем в мастерской у меня был Дмитрий Александрович Алексидзе, и до четвертого курса он был нашим руководителем, так что в основном я учился у него. Из-за того, что шла война, мужчин было очень мало — два человека, остальные девушки... А режиссеру же нужно спектакли ставить. Как-то на вечеру я читал стихи нашего классика Илья Чавчавадзе, я волновался, был напряжен и не думал о том, что сидит в зале. Оказалось, что Георгий Александрович слушал мое выступление... в темяте я его не разглядел. На второй день я опять репетировал на сцене — для себя, в одиночку. И вдруг открываются двери, входит Товстоногов и говорит: «Георгий, я хочу вас занять в спектакле. Вы согласны?». «Конечно!» — ответил я.

Первая роль, которую я сыграл у него, это роль полицейского в пьесе Бруштейна «Голубое и розовое», маленький эпизод. А после началось! Почти во всех спектаклях, которые он ставил, я сыграл главные роли: в пьесе «Время и семья Конвей», потом в «Хозяйке гостиницы» — кавалера Ринаффарта. А уже на выпускном курсе готовили «На всякого мудреца довольно простоты». И Товстоногов подарил мне роль Глумова... Это было гранди-

правда, как она готовилась к выходу! Это было поразительно, ведь она никакой школы не прошла — тогда актеры просто приходили как любители и потом становились профессионалами.

Мы играли спектакль на балконе, в деревне. Понимаете? Продавали билеты, а в кассе сидел сам Георгий Александрович. Он отлучился сыграть роль кассира. Говорил: «Нету билетов» — по-русски и по-грузински.

Н.У.: Он очень хорошо говорил по-грузински.

Г.Г.: Кстати, эта актриса умерла на останков автобуса, когда уезжала на периферию играть выездной спектакль.

М.С.: Какие самые яркие ваши впечатления от работы с Товстоноговым?

Г.Г.: Самое яркое, я думаю, это «Мешане». Товстоногов «Мешан» поставил впервые в театральном институте. Для нас соприкосновение с драматургией Горького было очень ответственно и очень интересно: каждая роль — это жемчужина для актера. Я играл Нила — в жизни я несколько мягче, там герой должен быть грубоватым. Товстоногов меня ломал, ломал, говорит: «Давай немножко грубее, ты идешь в пролетариат, будущее — твоё!». А когда он поставил этот спектакль в БДТ, то Нила сделали более хамоватого, потому что немножко подтекст подпустили.

Давно это было, почти полвека назад. Но это была репетиция чудотворца! Мы были все счастливы, несмотря на то, что была война, голод, эвакуация, очереди за керосином, за хлебом. И мне очень повезло, что с таким гением я встретился в своей жизни. В последние годы, когда я работал в Театре имени Руставели, то сыграл там роль, которую готовил с Товстоноговым — роль Глумова. И вот еще что важно: на спектаклях Георгия Александровича присутствовала вся интеллигенция.

М.С.: А не возникало идеологических проблем, время-то было тяжелое?

Г.Г.: Нет, вначале не возникало. А в после-

кстр: в оркестре каждый инструмент должен быть самостоятелен, на своем высоком уровне. И потому так долго Товстоногов держал БДТ в форме — меня это в нем поражало, иначе, конечно, он бы не пригласил художественного руководителя очень крупного петербургского театра — Большого Драматического театра имени Горького. Поэтому я думаю, что судьба Товстоногова развивалась именно так, как заслуживала его знания, его практика.

В течение 33 лет он был истинным лидером советского театра. Не припомню аналогичных случаев, чтобы один театр и один режиссер бесценно были бы лидерами так долго. Появлялись другие интересные фигуры — Анатолий Эфрос, Юрий Любимов, Олег Ефремов и так далее — замечательные режиссеры. Они внесли новую струю в развитие советского театра, но тем не менее бесценным лидером оставался всегда Георгий Товстоногов со своим замечательным театром БДТ. В первую очередь потому, что он как режиссер опирался на творчество актера, его интересовала человеческая судьба, человеческая суть, дух, как Станиславский говорил: «душа человека». Товстоногов создал потрясающую, непревзойденную труппу, куда входили такие актеры, как Ефим Копелян, Сергей Юрский, Евгений Лебедев, Владислав Стрелхельчик, Татьяна Дороница, И Кирилл Лавров, конечно, один из ведущих актеров этого театра. И этот театр создавал шедевры мирового театрального значения. Я считаю, что Товстоногов был одним из лидеров мирового театрального искусства. В Париже или в Лондоне к Товстоногову относились как к мэтру, как к мастеру: его всегда приглашали на постановки. Он прожил очень плодотворную, серьезную театральную жизнь, но, к сожалению, все-таки рано ушел от нас.

М.С.: Может быть, какой-то особенный эпизод из общения с Товстоноговым врезался вам в память?

Г.Г.: Когда мы пришли в Институт, первое задание, которое он дал нам, заключалось в том, чтобы мы выбрали для режиссерского плана классические произведения. Я выбрал тогда «Ревизор» Гоголя... Мы должны были изучить материал как ученые. Изучить эпоху, ее литературные и политические течения, стили и жанры, то, чем отличался от других данный автор. Товстоногов требовал в первую очередь серьезного знания материала, на котором мы должны были работать. А когда он сам разбирал эти произведения, то казалось, будто всю жизнь он занимался только этим автором — так глубоко он вникал в предмет.

Товстоногов нам преподавал режиссуру и мастерство актера. Одно из юмористических воспоминаний моей жизни: мы делали этюд... Михаил Туманишвили играл начальника, а я — его подчиненного и должен был подхалимничать. Когда мы показали Товстоногову этюд, он сказал: «Ну знаете Гига, не видно, что вы подхалим». Я говорю: «Этого и не должно было видно, потому что если начальник заметит, что я подхалимничал, ему это может не понравиться. Это надо тонко делать». Он сказал: «Нет. Подхалимизм — дело грубое. И если хотите, я вам это докажу». А в первой аудитории занимался великий грузинский актер Ахакхий Хорави. И вот вот во время выходил огромный Хорави — человек, пышет здоровьем, энергией. Тут Георгий Александрович к нему подходит и говорит: «Ахакхий Алексеевич, как вы похушли, как вы плохо выглядите! Берегите свое здоровье, оно принадлежит не только вам, но и всему Институту, всему советскому театру» — и так далее. Я думаю, неужели Хорави сейчас это слышит? А Хорави говорит громовым голосом: «Да, очень утомляюсь, слушай, много работаю». Товстоногов повернулся ко мне и подморщил — видишь, мол, не понимает человек, когда подхалимничают.

Другой замечательный случай был уже в Петербурге. Георгий Александрович безумно любил грузинский театр. Как-то я зашел к нему в кабинет в БДТ и увидел два портрета: Станиславского и Ахметели, грузинского режиссера, который был арестован, а потом убит. Тогда вешать портрет Ахметели никто не осмеливался, потому что он считался врагом народа.

Да, Товстоногов очень любил грузинский театр, особенно Ахметели... Знал и чувствовал грузинскую литературу, поэзию. Он удивительно читал стихи и на грузинском, и на русском — Григора Орбелиани, Бараташвили в переводе Пастернака. У него, как вам известно, мать была чистокровная грузинка, и он сам — типичный гражданин Тбилиси. Товстоногов не пропускал ни одного года без Грузии, иногда на месяц мог заехать. Он посматривал мой спектакль «Я, бабушка, Илико и Иллариона», когда я, еще молодой режиссер, поставил его в театре Марджанишвили. Кстати, я как инсценировщик и постановщик, первый открыл для себя это произведение Ноадра Думбадзе. Товстоногову спектакль очень понравился, и он сказал: «Ну, это я обязательно буду ставить в Ленинграде». Я посматривал на него с подтекстом: дескать, почему не зовешь меня? Он был психолог. И сказал: «Понимашь, Гига, ты уже поставил здесь этот спектакль, замечательный спектакль, но все-таки ты поставишь там его же. А я не хочу повторять, поэтому я это поставлю там по-другому». И потом вдруг говорит: «Знаешь что, Гига, когда будешь в Москве, я тебя очень прошу, поезжай в Ленинград, я хочу, чтобы грузинский текст ты мне прочел, один на один». Я даже не посмел сказать: зачем? Ведь он прекрасно знал грузинский язык и грузинскую литературу. Я, конечно, поехал к Георгию Александровичу, прочел ему по-грузински пьесу и понял, в чем дело: он хохотал, когда я читал, — я читал хорошо... Я понял, что он хотел услышать интонацию, уловить тот колорит, который не вычитаешь из текста, хотел ощутить его до конца.

Сторожко могу сказать, что считаю себя учеником Товстоногова — я не пропускал ни одной премьеры. Тогда мы были счастливые люди, что могли сесть в самолет, полететь в Питер, это была сложность не представляла — 40 рублей туда и 40 рублей обратно — максимальная цена билетов. И всегда на пре-

мьерах Георгия Александровича Товстоногова присутствовала большая группа грузин: и ленинградские грузины, и приезжие. Свои основные спектакли он всегда привозил. Он не мог не приехать в Тбилиси и не показать свой спектакль. Или театр целиком приезжал на гастроли, или он привозил отдельные спектакли. Такие, например, как «Холстомер, или История лошади». Абсолютный шедевр — спектакль, где Евгений Лебедев играл мерина, удивительное зрелище.

М.С.: Что для вас означает — быть учеником Товстоногова?

Г.Г.: Этот человек всю мою жизнь окрасил особенной красотой. Я никогда не подражал Товстоногову, это было бесполезно: с моей точки зрения, не надо никому подражать. Но я всегда был под влиянием его большого театрального мышления, потому что это был удивительно цельный художник, у него фактически не было срывов... Его творческий метод настолько научно продуман, что это не случайные победы, а иногда и поражения, что свойственно всем нам, режиссерам, что то получается, что-то не получается... Но какой бы ни был спектакль, он все равно имел высокий уровень профессионального мастерства.

Товстоногов был интересным человеком, удивительным собеседником, рассказчиком. Он обожал анекдоты и прекрасно их рассказывал, был человеком с большим юмором, очень умел воспринимать чужой юмор. Кстати говоря, я не без гордости могу сказать, что он очень ценил мой юмор и всегда просил меня рассказывать, какие анекдоты новые в Грузии. Анекдоты ведь отражают нашу жизнь, они являются лакумусовой бумагой...

С ним был связан все эти годы, но всегда сохранял дистанцию. Хотя он обращался со мной как с равным, как с другом, как с близким человеком. Но тем не менее я сохранял эту дистанцию, потому что понимал, что имею дело с огромным мастером.

После первого курса, который я прошел у него, я приехал в Москву в ГИТИС, и я имел право прийти на второй курс, но я категорически попросил, чтобы меня посадили на первый курс, тогда мне объяснили, что на первый курс садить нельзя, потому что это — конкурсный курс! И тогда меня для окончательного разговора позвал Мухомельский Стефан Стефанович, ректор ГИТИСА. Он сказал: «Ну поймите, вы же будете тогда сдавать экзамены!» Я сказал: «Давайте! Я буду сдавать экзамены». Он встал, поцеловал меня, совсем чужого незнакомому мальчику, потом сказал: «Значит, ты серьезный человек, раз ты решился даже на такой риск, что не сдаешь, попадешь или не попадешь». Был 45-й год, и на каждое место было 18 или 19 человек — сложные экзамены, но я сдал свою работу по «Ревизору», и это настолько было зрело, потому что прошло через руки Товстоногова, что я заслужил пятерку. А потом я прочел стихи Орбелиани, которые очень здорово читал Товстоногов. И, уже уча на первом курсе, я себя чувствовал лидером группы, я уже был впереди.

Как-то Алексей Дмитриевич Попов, мой замечательный педагог и крупнейший мастер советского театра, нам сказал: «Спектакль надо ставить для одного человека». Да, спектакль надо ставить для одного человека. Что он имеет в виду? Что у тебя должен быть такой человек, на котором ты проверишь — он является критерием для тебя. Понимаете, да? И это мудро, потому что нельзя рассчитывать на зал, нельзя рассчитывать, что что-то понравится всем. Если ты ставишь спектакль, или создаешь свое произведение, учитывая мнение какого-то одного человека, считаешь с его вкусом, и он является для тебя авторитетом, то этим самым ты учитываешь самое главное. Поверьте мне, и при жизни Товстоногова, и после его смерти, я внутренне все время на него ориентировался: как бы он на это дело посматривал, что мог бы он воспринять этот спектакль... Так что вся моя жизнь связана с этим великим мастером мирового театрального искусства.